

Сток. конец 1973, 6/IV

АЛЕКСАНДР Николаевич Островский — великий русский драматург. Об этом написано множество интереснейших исследований. Мне же сегодня представляется чрезвычайно важным сказать об Островском, хотя это может прозвучать парадоксально, как о режиссере.

«Труппа, чтобы разыграть изящное драматическое произведение совершенно его художественному достоинству, т. е. чтобы докончить, воплотить данные автором характеры и положения, возвратить опять в жизнь извлеченные автором из жизни идеалы, должна быть прежде всего слажена, сплочена, однородна».

Какое поразительное высказывание! В нем Островский предстает как художник, безоговорочно требовавший целостности театра.

Заметьте, что в своем требовании к актерам он не упоминает талантливости, закономерно считая, что это само собой разумеется. Но он, создавший, казалось бы, филигранно выверенные в каждой реплике, столь совершенные и завершенные произведения, считал, что заканчивается его творчество только в театре, тем самым утверждая живую, органическую взаимосвязь драматурга и театра, о которой сегодня мы, советские режиссеры, так много думаем и к которой стремимся.

Итак, это высказывание режиссера, хотя во времена Островского понятие режиссуры в современном смысле не существовало. Но, говоря о художественной дисциплине «в управлении сцены», как писал Островский, он, в сущности, излагает свое режиссерское кредо. И тут можно и должно установить связь этих его высказываний с высказываниями Гоголя, который так же, как и Островский, заботился о целостности спектакля. По свидетельству современников, и Гоголь, и Островский сами замечательно читали свои пьесы. В сущности, этим они выполняли первое задание режиссера — интерпретацию пьесы, трактовку ролей, темп-ритм, тональность будущего спектакля и т. д.

Мне хочется остановиться еще на одном акценте цитированного мной высказывания Островского: «...возвратить опять в жизнь извлеченные автором из жизни идеалы».

В каком смысле «возвратить опять в жизнь»? Ведь ценность искусства Островского, его классичность в том, что лучшие из его пьес не стареют, они могут быть возвращены как бы заново в жизнь, в каждую новую эпоху, как бы заново прочитаны. И тут опять вспоминается Гоголь, который говорил о том, что каждое произведение можно сделать живым, если прочитать его «свежими и нынешними очами».

В. И. Ленин об исполнении Станиславским роли Крутицкого говорил: «Вот видите ли, пьеса Островского... старый классический автор, а игра Станиславского звучит по-новому для нас. Этот генерал открывает очень многое, нам важное... Это агитка в лучшем и благородном смысле... Все бы так уметь вскрывать образ по-новому, по-

✓ К 150-летию со дня рождения
А. Н. ОСТРОВСКОГО

ЕГО ТЕАТР

Юрий ЗАВАДСКИЙ,

народный артист СССР, главный режиссер
Московского академического театра
имени Моссовета, лауреат Ленинской
и Государственных премий СССР

современному, — это было бы прекрасно...». Какая поразительная переключка, к какому глубокому толкованию понятий традиций она нас обязывает!

По поводу слаженности. Вот что сказал Островский: «Строгая дисциплина необходима везде, где эффект исполнения зависит от совместного единовременного участия нескольких сил, где нужен порядок, стройность... там нужна и дисциплина».

Стройность — какое удивительное, забытое слово. Как часто мы произносим слова, забыв их изначальный смысл. Слово «стройность» у Островского звучит как объединенность. А это значит — «слаженность», по аналогии с понятием часового механизма, когда все его части слажены, подогнаны друг к другу, нет ничего лишнего, нарушающего, мешающего безупречному отсчету времени часами. И этой слаженностью рождается сплоченность, которая и есть та самая студийность, в чистом, высоком, принципиальном смысле, которой добивались в театре Станиславский, Сулержицкий, Вахтангов.

Сплоченность — это и есть то единство, та коллективность, которая противопоставляется театру антрепренерскому, где труппа состоит из актеров разобщенных, где труппа собрана «с борю по сосенке», где она «неоднородна».

Однородность предполагает то, что мы сегодня называем «единомышленностью». Она предполагает однородность культурного уровня актеров, однородность их актерской школы. А какое огромное значение придавал Островский школе! «Школы, — считал Островский, — только готовят артистов для сцены, а актеры делают артиста: талант, изящный вкус, энергия, практика и хорошие сценические предания... Игра неученых артистов не есть лицедейство; это только более или менее приличное чтение роли».

Но, может быть, довольно цитат? Впрочем, те, что я привел, далеко не исчерпывают режиссерскую мудрость Островского. Думаю, что сегодня каждому режиссеру и актеру — настоящему артисту — нужно заново перечитать все написанное Островским, не только пьесы, но и его теоретические соображения о театре, «докладные записки», критические статьи.

Мне пришлось сравнительно мало ставить Островского. Первый мой спектакль еще в студийный период — это «Волки и овцы», потом в этой же выросшей студии был поставлен «Красавец мужчина». И, наконец, в театре (тогда он назывался Те-

атром Революции) — «Бесприданница». И каждый раз меня поражали удивительная музыкальность, стройность произведения, музыкальный расчет Островского, его чувство соотношения частей «в их отношении к целому». Я уже не говорю о музыкальности «московской речи» его персонажей. Это, конечно, особая, объемная тема: язык в пьесах Островского.

Сейчас, когда я начал работу над «Последней жертвой», меня снова поражает эта многогранная музыкальность Островского.

Все, что я говорил об Островском, по-моему, с предельной очевидностью доказывает и понимание им природы живого театра, и неумирающую ценность его драматургического и режиссерского мышления. Как было бы прекрасно, если бы 150-летний юбилей Островского стал для всех театров поводом к самой строгой самопроверке, возвращением к значимости, весомости сценического слова, к музыкальной целостности спектакля, к повышению требований к актеру во всех аспектах его внешнего и внутреннего мастерства.

Александр Николаевич Островский мечтал о том, чтобы в Москве был создан образцовый театр, который он противопоставлял театру любительскому, ремесленному. Образцовый театр, по Островскому, — это прежде всего театр, чутко слышащий свое время и обладающий мастерством не только индивидуально одаренных актеров, но и мастерством целостного театра.

Помню выступление народной артистки СССР Александры Александровны Яблочковой, когда в разговоре об Островском она сказала, что Островский — это наш Шекспир, что лучшие исполнители Малого театра, в ее памяти, высоко подымались над бытовым прочтением Островского.

Конечно же, Островский — это мощный художник, великолепно чувствовавший природу русского характера, русского темперамента, русской удачи и русской лирики. Лучшие его произведения поэтичны, а следовательно, музыкальны. Вслушаться в эту музыку сегодня, прославить его прозорливую музыкальность, его истинную народность, его страстную веру в красоту и силу русского характера, прочитать в нем его классичность, то есть то, что выводит его за пределы прошлого столетия, найти живую переключку с нашим временем, его бессмертие — вот в чем долг советских театров, режиссеров и актеров сегодня, в торжественные дни 150-летия со дня рождения великого русского драматурга.

242